

РОЗОВЫЙ ДВОРЕЦ

Первое, что Джек увидел на суше, была крепость Дин Гварди, возвышающаяся на скальном выступе. Ему пришлось потереть глаза, чтобы убедиться, что это не сон. Год назад крепость была настолько разрушена, что не осталось камня на камне. И все же это было снова, грандиознее, чем раньше. Старые стены были серыми и рябыми, как будто они страдали от какой-то болезни. Теперь они были нежно-розового цвета. Зубчатые стены, когда-то такие неприступные, были украшены зеленой каменной кладкой, выполненной так искусно, что она выглядела как виноградные лозы, вьющиеся по верхушке. На каждом углу была розовая башня с самыми красивыми флагами, которые только можно себе представить, развевающимися на ветру.

Возможно, так это выглядело во времена Ланселота, предка короля Брута, подумал Джек. В те дни он назывался "Замок Веселой Стражи" и был домом музыки и смеха. Но когда он попал в Нежизнь, вся радость исчезла. Залы круглый год покрывались льдом, и даже сорняки не могли расти в мрачных, серых дворах Дин-Гварди.

"Как, во имя Средиземья, Брут это сделал?" - спросила Торгиль, стоя рядом с Джеком.

"Ему помогла Владычица Озера", - сказал Джек. "Должно быть, она использовала магию."

"Тогда я бы не доверяла полам в этом месте. Я видела, как магия Эльфландии развалилась", - сказала дева-воительница.

"Он поручил монахам монастыря Святого Филиана выполнять самую тяжелую работу, а у них вообще нет никакой магии" - ответил Джек.

Корабль повернул к порту города Бебба, и команда Эгиля направила его внутрь. Мужчины были тщательно отобраны. Среди них не было ни одного берсеркера, потому что такими воинами было невозможно управлять, и они сменили свои кожаные доспехи на туники. Каждый из них достаточно знал саксонский, чтобы выдавать себя за кого-то из другой части страны. Были различия. Члены экипажа Эгиля были выше местных жителей, и в их голубых глазах иногда появлялся волчий блеск. Наблюдательный человек заметил бы мозоли, указывающие на использование оружия, но большинство людей не были наблюдательными.

Широкий кнорр пробрался к причалу и вскоре был пришвартован. Многие люди наблюдали, чтобы увидеть, какой груз перевозил этот необычный корабль. Эгиль привез только несколько предметов для торговли — миски из мыльного камня, сковородки и медные котлы, поскольку основную часть своей торговли он уже совершил. Товары Барда будут храниться на борту до базарного дня.

"Ты можешь спать здесь, пока не найдешь, где остановиться", - сказал Эгиль миссис Таннер.

"С меня хватит кораблей", - выплюнула она в него. "Смертельные ловушки, вот как я их называю. Кроме того, в этом городе у меня есть брат, и его долг - поступить с нами правильно". Не поблагодарив и даже не попрощавшись, миссис Таннер отправилась в путь, а Имма и Итла последовали за ней. Они тащили за собой объемистые сумки.

"Скатертью дорога," - пробормотал Джек.

Его настроение улучшилось, когда они шли по дороге в Дин-Гварди, хотя ему пришлось нести Счастливого Плача. Колокол был завернут во много слоев ткани, и получившийся сверток был слишком велик, чтобы засунуть его под мышку. Горожане расступились, впечатленные

одеждой Джека и Торгиля, а еще больше - Бардом в его безупречно белом одеянии. Старик добавил венок из дубовых листьев. Это, наряду с почерневшим посохом из ясеня, говорило всем, что он был важным волшебником.

Вокруг Дин Гварди больше не было живой изгороди, за что Джек был благодарен. Он образовал барьер между крепостью и внешним миром, но его целью не было защиты. Живая изгородь была похожа на молчаливую армию тесно стоящих деревьев, вечно бдительных на границах Нежизни. Когда вы проходили по туннелю, соединяющему крепость с внешним миром, ветки тянулись, чтобы схватить вас за ноги или поцарапать лицо. Когда Нежизнь потерпела неудачу, Изгородь разорвала старый Дин-Гварди, и людей, оказавшихся внутри, больше никто не видел.

Теперь новая крепость было открыто морю и небу. Джек подумал, что это впечатляющее зрелище, но он был удивлен, не увидев часовых. Главные ворота были открыты. "Разве это не опасно?" он сказал.

"Зал, построенный из камня, меч под рукой, но все рушится, когда бдительность ослабевает", - процитировала Торгиль.

"Совершенно верно, дева-воительница", - сказал Бард. "Брут - слабый король, больше подходящий для пения любовных песенок, но он - все, с чем мы можем работать". Они вошли внутрь и бродили вокруг, пока не наткнулись на слугу, несущего поднос с мясными пирогами. "Объявите о нашем прибытии," приказал старик. "Скажи королю Бруту, что прибыл Дракони́й Язык с двумя друзьями. Мы просим ночлега". Слуга не стал подвергать сомнению авторитет Барда и поспешил повиноваться.

"План замка отличается от того, что я помню", - пожаловался старик. "Это не продумано для защиты. Я думаю, Брут забыл, что это здание предназначено для размещения армии, готовой к битве. Я спрашиваю, кто-нибудь слышал о розовом как о подходящем цвете для крепости?".

Вскоре вернулся слуга и повел их в тронный зал. Брут развалился на кушетке, а вокруг него, на подушках на полу или рядом с ним, были дамы в длинных струящихся платьях. Некоторые держали музыкальные инструменты, а другие - подносы с едой. Все они соперничали за внимание короля. Он лениво принял их дань уважения - медовый пирог, кусочек курицы — и лениво помахал тому музыканту, которого хотел послушать.

- Я вижу, ты, как обычно, тратишь время впустую, - сказал Бард, энергично постукивая посохом по полу.

"Дракони́й Язык!" - воскликнул Брут, поднимаясь на ноги. "Как приятно вас видеть! И тебя тоже, Джек. Торгиль, ты оказалась настоящей очаровашкой."

Торгиль покраснела, и Джек почувствовал раздражение. Дева-воительница всегда игнорировала его комплименты, но сейчас она улыбалась.

"Я должен не согласиться, дорогой Дракони́й Язык. Дамы никогда не бывают пустой тратой времени," сказал Брут. Придворные женщины захихикали и взбили волосы.

"Постарайся помнить, что ты король. Твое дело - править," - отрезал Бард, но Брута это нисколько не смутило.

"Отец Северус следит за всем", - сказал он. "Он гораздо лучше следит за порядком, и ему определенно нравится слушать скучные старые судебные дела. Он теперь настоятель

монастыря, ты знаешь. Моя работа - вдохновлять”.

Старик покачал головой. "Ты безнадежен, как и все остальные члены семьи Ланселот. Но я приехал сюда по делу. Наша деревня была опустошена Дикой Охотой, и я должен обменять товар на зерно. Есть ли в этом розовом чудовище уголок, где старик и пара детей могли бы устроиться на ночлег?"

“Конечно!- Сказал Брут. "Давайте посмотрим ... Доступен Аметистовый люкс, или вам может понравиться Лебединая комната. Все в белом. Боже мой, ты бы растворился прямо на заднем плане!" Король был переполнен весельем.

"Подойдет любое место с кроватями", - сказал Бард.

"Мы должны устроить пир, чтобы отпраздновать ваше прибытие. У меня самый изобретательный повар. Вчера вечером он подавал жареного поросенка, фаршированного бараниной, фаршированного гусем, фаршированного голубем, фаршированным жаворонком. Мы все делали ставки на то, что мы найдем в следующем слое ". Брут отправил дам с различными поручениями. Слуги втаскивают стулья.

“Я надеялся увидеть здесь Этни”, - сказал Бард. “Она совершенно не подходит для монастыря, и, по моему мнению, вы не могли бы желать более прекрасной королевы. Ты когда-нибудь заглядываешь к ней?"

Впервые Брут, казалось, почувствовал себя неловко. “Ты что, не слышал?"

“Я живу в крошечной деревне. У меня проблемы со слухом. Она больна?"

“Не совсем так”, - сказал король.

"Ну, и где она? Я немедленно отправлюсь ей на помощь”.

Брут нервно переплел пальцы и прикусил нижнюю губу. У большинства мужчин это выглядело бы глупо, но это только делало его еще более очаровательным. Одна из женщин-музыкантов вздохнула. “Это запрещено — я имею в виду, отец Северус не позволил бы этого", - запинаясь, пробормотал король. "Это как-то связано с церковными правилами. Я сказал ему, что это плохая идея. Я хотел отправить тебе сообщение, но..." Он беспомощно развел руками.

"Но тебя это не беспокоило!" - взревел Бард. "Клянусь бровями Одина, ты король. Ты отдаешь приказы отцу Северусу, а не наоборот. Итак, где моя дочь?"

“Это так неловко..."

"Если ты сейчас же не расскажешь мне, что произошло, тебе придется прыгать по болоту, полному голодных цапель!"

Воздух потрескивал от электричества, и гобелены на стенах колыхались. Придворная дама упала в обморок на руки своих спутников. Брут быстро изложил историю, часто поглядывая на старика, чтобы увидеть, как он это воспринял. “Казалось, Этнэ сошла с ума — ну, не совсем сошла с ума. Она услышала голоса. Слышать голоса может быть безумием, за исключением тех случаев, когда вы действительно их слышали. И с Этнэ так и было. Это ее эльфийские родственники пытались заставить ее вернуться”.

Они приходили в комнату Этни каждую ночь. Они наполнили ее уши славой Эльфландии и

предложили забрать ее домой, если только она откажется от своих поисков в обретении души. "Отец Северус не мог их слышать, но я мог", - сказал Брут. "Эльфы никогда не прятались от меня, и я всегда нравился королеве..."

"Я знаю", - сказал Бард с отвращением. "Это то, чего я боялся с самого начала. Мое бедное дитя застряло между двумя мирами, и она выбрала слишком трудный для себя путь. Я хотел погрузить ее в жизненную силу, а этот негодяй священник отгородил ее от нее стеной. Подожди, пока он не попадется мне в руки! Где она?"

"В этом-то и проблема", - с несчастным видом сказал король. "Он действительно замуровал ее. Я имею в виду, она жива, но он поместил ее в единственное место, к которому эльфы не осмеливались приближаться. Рядом с часовней есть крошечная комната. Она полна христианской магии, и Прекрасный Народ не может этого вынести. Отец Северус поместил ее туда, а монахи заложили дверь кирпичом. Единственное отверстие - это узкое окно."

"Ты хочешь сказать, что она не может выбраться?" - Воскликнул Джек. Он видел комнату. Она была едва ли шире кровати и ненамного длиннее.

"Смерть была бы лучше, чем такое существование", - сказала Торгиль.

"Этни согласилась на это", - сказал Брут. "Она так страдала от голосов, и она действительно хотела заслужить душу. Еду и напитки подают через окошко, и она не совсем лишена развлечений. Она может слушать, как молятся монахи. Несколько раз в неделю настоятель — отец Северус — читает проповедь. О, и он позволил ей оставить кота."

"Спасибо Фрейе", - выдохнул Бард. "У нее все еще есть Пангур Бан".

"Это так его зовут? Он входит и выходит в окно и приносит ей всевозможные вещи из внешнего мира". Король, казалось, почувствовал облегчение от явного одобрения старика, но в следующее мгновение посох Барда с грохотом ударил, и стены задрожали.

"Тебе придется за многое ответить", - сказал старик. "Ты должен был увезти Этни и жениться на ней. Любовь прогнала бы иллюзии Эльфландии, любовь и присутствие честного солнечного света. Но у меня есть более серьезные проблемы, чем наказывать тебя. Я должен сейчас же пойти в церковь Святого Филиана, потому что пришел срок уплаты долга. Я боюсь, что все сокровища, которые отец Северус припас в закромах, не покроют этого."

Король Брут дал им пони, чтобы они были верхом, потому что до монастыря было далеко. Он настоял на том, чтобы снабдить их корзинкой мясных пирогов на дорогу. Бард сердито отмахнулся, но Торгиль приняла его. Король слишком долго держал ее за руку, когда отдавал ей корзинку.

Ни Джек, ни Торгиль не осмеливались заговорить с Бардом. Он молча ехал впереди, и воздух вокруг него колыхался, как знойное марево над летним полем. Но когда они достигли сосновой рощи, возвышающейся над монастырем, старик свернул в сторону и обнаружил травянистый луг. "Если я пойду в церковь Святого Филиана в таком настроении, я поставлю все это место на уши", - сказал он. "Звучит знакомо, да, Джек?"

Мальчик поморщился. За год до этого он случайно вызвал землетрясение, когда монахи пригрозили сбросить его сестру в колодец Святого Филиана.

Они позволили пони пастись, а сами устроили пикник. Вдалеке Джек мог видеть стены монастыря. Трещины от землетрясения были заделаны и нанесен блестящий слой побелки.

Вокруг раскинулся обширный сад, а на краю территории Владычицы Озера стояло новое белое здание. Отец Северус, должно быть, изо всех сил подгонял монахов, чтобы добиться столь многого.

“Это, я полагаю, и есть монастырь”, - заметил Бард, глядя на новое здание.

Джек положил сверток с Счастливым Плачем, а Торгиль раздала всем пирожки с мясом. Тесто было хрустящим, баранина тающей нежности, и все это приправлено перцем, любимой приправой Джека. Также в корзине была фляга с медовухой. “Я оставлю это на потом”, - сказал Бард. “Мне нужно собраться с мыслями”. Его настроение, казалось, улучшилось от хорошей еды и свежего воздуха.

“Я часто говорил тебе, - сказал старик, - что никогда не следует использовать гнев, чтобы достичь жизненной силы. И все же это было то, что я собирался сделать.” Он покачал головой. “Я прожил долго, очень долго, но смертные все еще обладают способностью выводить меня из себя”.

“Смертные?” подумал Джек, но не осмелился спросить, что Бард имел в виду.

“Мне нужны предварительные знания, прежде чем я обращусь в больницу святого Филиана”. Старик порылся в сумке, которую всегда носил с собой, и вытащил серебряную флейту Амергина.

“Красивая штука!” - воскликнула Торгиль.

“Подожди, пока не увидишь, что она делает”, - сказал Джек.

Сначала Бард сыграл мелодию, журчащую, ритмичную мелодию, похожую на журчание горного ручья по камням. Птицы приземлились на ветки над ним и склонили головы, прислушиваясь. Затем музыка стала торжественной, не то чтобы грустной, но очень серьезной. Это была музыка, которую мог бы издавать древний лес. Это говорило о том, что время проходит, а красота увядает. Все вещи в конечном итоге вернулись на землю, даже деревья, которые видели прибытие римлян с их могущественными планами. Но римляне ушли в землю вместе с деревьями. Они немного отдохнули, а затем вернулись с солнцем, как это делают существа, погруженные в жизненную силу.

Бард отложил флейту. Торгиль быстро вытерла слезы с глаз. “Вот, - сказал старик. “Мне нужно было напомнить себе, что важно, или я мог бы потерять самообладание и призвать молнию на этого идиота Северуса. Теперь я сыграю что-нибудь другое”. Он поднес флейту к губам и издал такой глубокий звук, что Джек почувствовал его в груди.

Звук прокатился по сосновой роще, и птицы разбежались перед ним. Это было похоже на мурлыканье огромного, самодовольного кота. Джека клонило в сон, и он подумал о том, как хорошо было бы свернуться калачиком перед огнем. Внезапно большая белоснежная кошка выскочила из дверей монастыря и помчалась вверх по холму так быстро, как только могла. Он добрался до вершины холма, распушился и бросился на Барда.

“Ты старый негодяй! Ты такой тяжелый, что, должно быть, сбежал с половиной цыплят храма в животе”, - закричал старик, отбиваясь от существа. Кот расхаживал взад-вперед, терся о Барда и мяукал. “Да, да. Я тоже скучал по тебе. Прошло много времени с тех пор, как мы были в Долине Песни. Садись, старый друг”.

Кот повиновался и посмотрел на детей умными голубыми глазами.

“Это Джек, мой ученик”, - сказал Бард. “А это Торгиль, Дочь Олафа из Северных Земель. Джек и Торгиль, позвольте мне представить Пангур Бана.”

<http://tl.rulate.ru/book/81483/2539399>